

Мистер Совершенство

18+

Кира Монро

Мистер Совершенство

«Автор»

2026

Кира Монро

Мистер Совершенство / Кира Монро — «Автор», 2026

Адам Вандербильт привык контролировать всё. За девять лет он построил многомиллиардную империю, заслужил репутацию невыносимого перфекциониста и окончательно перестал замечать разницу между рабочим днём, выходным и государственным праздником. В компании его называют мистером Совершенство. Разумеется, только за спиной. Пять лет Дакота Вудсен была его секретарём. Она знает его расписание лучше собственного, помнит все привычки и умеет предотвращать проблемы ещё до того, как Адам узнаёт об их существовании. Для него она давно стала незаменимой. Для себя — женщиной, чья жизнь целиком подчинена чужой работе. Но однажды Дакота кладёт на его стол заявление об уходе. Она должна уехать и оставить прошлое в Нью-Йорке. Причины не касаются Адама, хотя смириться с этим он явно не собирается. Он уверен, что знает свою секретаршу лучше всех. Вскоре ему предстоит понять, насколько сильно он ошибался.

© Кира Монро, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предупреждение	5
Глава 1. Секретарь дьявола	6
Глава 2. Лос-Анджелес, будь со мной помягче	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кира Монро

Мистер Совершенство

Предупреждение

Эта книга является художественным произведением. Все персонажи, события, организации и обстоятельства вымышлены. Любые совпадения с реально существующими людьми, компаниями, местами или событиями случайны.

Глава 1. Секретарь дьявола

Mitski — Working for the Knife

Автобус закрыл двери у меня перед носом.

Я успела увидеть собственное отражение в стекле: растрёпанная брюнетка в очках, с двумя стаканами латте в картонной подставке, тяжёлой сумкой на плече и чехлом с образцами материалов, который сползал к локтю. Водитель посмотрел прямо на меня, но не дрогнул. Автобус отъехал от остановки и скрылся за перекрёстком, оставив после себя запах выхлопных газов и ощущение, что Нью-Йорк сегодня решил проверить, насколько сильно мне нужна эта работа.

До двух оставалось восемнадцать минут.

Офис находился в двенадцати кварталах. В другой день я прошла бы это расстояние быстрым шагом, ругаясь на каблуки и людей, которые любят внезапно останавливаться посреди тротуара. Сегодня у меня были два горячих кофе, папки со сметами и приказ доставить всё в кабинет Адама Вандербильта до того, как он отправится на встречу.

Бежать в семисантиметровых лодочках было можно. Добежать целой — уже менее вероятно.

— Чёрт.

Я поставила кофе на крышу припаркованной машины, поправила очки и подняла руку, высматривая свободное такси. Первое прошло мимо с пассажиром, второе перестроилось в соседний ряд, третье проигнорировало меня с таким достоинством, будто за рулём сидел сам мэр.

Телефон завибрировал в сумке.

От одного этого звука у меня сжался желудок. За пять лет я выработала реакцию, достойную хорошо обученной служебной собаки: любой звонок после часа дня мог означать изменение маршрута, перенос встречи, внезапный обед с инвесторами или вопрос, почему документ, о существовании которого мне сообщили три минуты назад, ещё не лежит на столе у начальника.

Я вытащила телефон, придерживая локтем чехол.

Письмо прислал отдел закупок. Не Адам.

Облегчение продлилось недолго. В два он должен был выйти из офиса, а перед этим получить кофе, обновлённую презентацию и документы по строительному проекту. Презентацию я отправила час назад, автомобиль ждала у служебного входа, бумаги находились у меня. Оставалось решить проблему с расстоянием и привычкой Адама считать опоздание личным оскорблением.

— Эй! Брюнетка с кофе!

Я обернулась. Жёлтое такси остановилось во втором ряду, а водитель махал мне через открытое окно.

— Вы едете или собираетесь провести здесь остаток дня?

— Еду.

Я подхватила вещи и бросилась к машине. Сзади сразу загудели. Водитель ответил кому-то короткой фразой, из которой я разобрала только последнее слово, открыл двери и дождался, пока я втиснусь на заднее сиденье.

— Вандербильт-тауэр, Шестая авеню. Мне нужно быть там через семнадцать минут.

Мужчина посмотрел на меня в зеркало. Ему было около сорока пяти, на приборной панели лежали тёмные очки, а рядом с фотографией двух улыбающихся девочек висела карточка с именем Эдди Браун.

— Через семнадцать минут я могу доставить вас туда живой. Гарантировать хорошее настроение начальника не берусь.

— Жизнь важнее. Пока что.

Эдди усмехнулся и втиснул машину в поток.

Я осторожно поставила кофе рядом и проверила сообщения. Адам молчал. С ним это никогда не означало ничего определённого. Он мог быть доволен тем, что всё идёт по плану, или уже обнаружить проблему и ждать, когда я сама пойму, где ошиблась.

За годы работы я научилась читать его настроение по обращениям.

Когда он писал «Дакота», речь шла о привычном поручении. «Мисс Вудсен» предупреждало, что ему что-то не понравилось. Сообщение «Зайдите.» с точкой в конце означало, что ближайшие полчаса лучше не планировать ничего приятного.

— Никогда не понимал, зачем таким худеньким девушкам дают такие тяжёлые сумки, — заметил Эдди, обгоняя фургон службы доставки. — Вы там документы носите или кирпичи?

— Сегодня и то и другое. Здесь сметы, образцы камня и часть моей воли к жизни.

— Начальник заставляет?

— Думаю, он нанял меня именно из-за способности переносить вес, который не входит в должностные обязанности.

Эдди рассмеялся, а я отвернулась к окну. Нью-Йорк мелькал за стеклом знакомыми витринами, строительными лесами и людьми, которые шли куда-то с выражением полной уверенности, будто им одним было известно, зачем весь город каждое утро просыпается и начинает толкаться в метро.

За последние трое суток я спала часов десять. Вчера Адам решил переделать презентацию для инвесторов. Позавчера обнаружил расхождение в смете жилого комплекса. В воскресенье мы четыре часа обсуждали расположение лифтов в здании, которое ещё не получило разрешения на строительство.

Он понимал время только в пределах собственного календаря. Знал продолжительность любого перелёта, помнил сроки каждой сделки и мог по минутам рассчитать совещание. При этом выходные, праздники и поздний вечер считал удобными обозначениями для рабочих часов, когда остальные люди почему-то хуже отвечали на звонки.

В «Дьявол носит Prada» героиня хотя бы быстро поняла, что её начальница способна превратить заказ кофе в вопрос жизни и смерти. Я потратила несколько месяцев на попытки убедить себя, что Адам просто требовательный руководитель. На пятом году пришлось признать: Миранда Пристли рядом с ним иногда выглядела человеком, уважавшим личные границы.

— Приехали.

Такси остановилось перед стеклянной башней. До двух оставалось пять минут.

Я протянула Эдди двадцать долларов, прижала подставку с кофе к груди и открыла дверь.

— Девушка, сдача.

— Оставьте себе. Вы только что спасли мне работу.

— Надеюсь, ваш начальник это оценит.

— Он считает благодарность неэффективным управленческим инструментом.

Я услышала его смех уже за спиной и поспешила к вращающимся дверям.

В холле толпились вернувшиеся с обеда сотрудники. У стойки регистрации стояли посетители, курьеры ждали пропуска, кто-то разговаривал по телефону посреди прохода. Я двигалась между ними, приподняв кофе и придерживая сумку плечом.

— Простите. Можно пройти? Спасибо.

Люди расступались медленно. Чехол с образцами задел мужчину в синем костюме, и я успела извиниться, прежде чем он возмутился. Охранник у турникетов увидел меня и заранее приложил свою карту.

— Снова спасаете компанию, мисс Вудсен?

— Рэй, я пока пытаюсь спасти два латте.

Он открыл проход, и я направилась к лифтам. Кнопка вызова уже горела, но я всё равно нажала её ещё раз. Логика в этом не было, только слабая надежда, что техника распознает отчаяние и начнёт работать быстрее.

До двух оставалось три минуты.

Один лифт стоял на шестом этаже, второй поднимался, третий спускался с двадцать пятого. Я переводила взгляд с табло на часы, пока двери крайней кабины наконец не открылись.

Внутрь зашли ещё четыре человека. Я нажала кнопку двадцатого этажа и встала у панели, закрывая её собой. Женщина с папкой потянулась к кнопке двенадцатого, но увидела мои руки, кофе и выражение лица, после чего молча отступила. Мужчина у двери посмотрел на цифру двадцать, затем на меня и понимающе кивнул.

В этом здании все знали, кто занимал верхние офисные этажи.

Двери открылись за несколько секунд до двух.

Я вышла первой и прошла через приёмную. За стеклянной стеной моего кабинета горел монитор, на столе мигал рабочий телефон. Останавливаться было нельзя. Я дошла до двери Адама, постучала два раза и вошла.

Он стоял у окна спиной ко мне и разговаривал по телефону.

Высокий, широкоплечий, в тёмно-сером костюме, сидевшем без единой лишней складки. Белая рубашка выглядела свежей, хотя рабочий день начался семь часов назад. Тёмные волосы были аккуратно уложены, часы на запястье стоили больше моей годовой аренды, а голос оставался ровным и холодным.

Адам Вандербилт был до смешного красив. Эта подробность только ухудшала его характер, потому что люди слишком долго прощали ему то, за что менее привлекательного мужчину давно перестали бы приглашать на ужины.

Он взглянул на меня и указал на стол.

Я поставила рядом с ноутбуком кофе, разложила документы и прислонила чехол к тумбе. Следующий жест был направлен на окна. Я взяла пульт и опустила жалюзи, чтобы солнце не отражалось в мониторе.

Адам забрал первый стакан, сделал глоток и показал на кресло.

Я достала планшет и открыла расписание. Разговор продолжался ещё минуту. Судя по смыслу, поставщик пытался объяснить задержку, а Адам давал ему возможность услышать собственные оправдания со стороны.

— В договоре указан срок до пятницы, — сказал он наконец. — Если оборудование не будет доставлено, мы применим штрафные условия и передадим заказ другой компании. Письменный отчёт жду в понедельник. Постарайтесь обойтись без рассказа о непредвиденных обстоятельствах: они не отменяют вашу ответственность.

Он завершил звонок и сел за стол.

— Отмените мои встречи до субботы. Завтра я лечу в Ванкувер.

Я подняла глаза. На ближайшие четыре дня были назначены переговоры с архитекторами, обед с представителями банка, совет директоров и вечерний приём. Перенести всё было сложно, но эта новость содержала один приятный момент: он уезжал без предупреждения, а значит, мог оставить меня в Нью-Йорке.

— Вам нужен самый ранний рейс завтра и возвращение в субботу вечером?

— Да. Последний обратный рейс. Вы остаётесь здесь и передаёте мне итоговое расписание до конца дня.

Свободные четыре дня исчезли, не успев оформиться в полноценную надежду, но отсутствие Адама в городе всё равно обещало редкую возможность закончить работу до полуночи.

Я внесла пометки в календарь.

— Хорошо. Свяжусь с участниками встреч, подготовлю документы и предупрежу водителя.

— Пока меня не будет, возьмите строительную площадку на Пятьдесят седьмой.

Я перестала писать.

— Этим занимается Боб Харрис.

— Больше не занимается. Сегодня утром я его уволил, поэтому свяжитесь с Мартином, запросите текущую документацию и получайте фотографии объекта каждый вечер. Отчёт присылайте мне до девяти.

Адам говорил об увольнении руководителя проекта так, будто сменил поставщика бумаги. Я знала Боба четыре года. Он работал хорошо, хотя иногда слишком верил в собственную безнаказанность.

— Мне нужно знать причину, чтобы принять его дела и понять, что говорить команде.

— Скажите, что он нарушил внутренние правила компании и больше здесь не работает. Подробности не нужны, но вам, вероятно, придётся узнать их сейчас: он привёл в кабинет двух женщин и занялся с ними сексом вместо подготовки отчёта.

Я посмотрела на него, пытаясь определить, шутит ли он. Адам не шутил о работе. Вообще он шутил настолько редко, что большинство сотрудников принимали это за слух.

— В кабинете?

— Именно это вас удивило?

— Меня удивляет весь набор решений, который привёл взрослого человека к такому финалу рабочего дня.

Адам откинулся на спинку кресла.

— Его решения меня больше не касаются. Проект касается. Вы сможете принять дела сегодня?

— Я поговорю с Мартином, заберу доступы и разберусь с отчётами. Если Боб не успел закрыть документы по подрядчикам, мне понадобится помощь юридического отдела.

— Получите всё, что потребуется. В понедельник я хочу видеть нормальный ход работ.

Я закрыла календарь и встала.

— Тогда я отправлю вам билеты и обновлённое расписание. Второй латте лучше выпить до половины четвёртого, иначе он остынет.

— Принесёте новый.

В его голосе не было ни тени юмора.

— Разумеется.

Я вышла и закрыла дверь. Только в своём кабинете смогла опустить сумку на пол и сесть на диван. Ступни болели, спина ныла под лопаткой, а чехол с образцами хотелось выбросить из окна вместе со сметой.

Я сняла очки и прижала пальцы к переносице. Четыре относительно спокойных дня существовали в моей голове меньше минуты. Теперь вместо них у меня появилась строительная площадка, увольнение Боба и ежедневные отчёты для человека, способного обнаружить разницу в оттенке бетона на фотографии, сделанной в сумерках.

Телефон зазвонил.

На экране появилось имя отца.

Я отклонила вызов.

Мы не разговаривали несколько недель. Обычно после этого он звонил вечером, делал вид, что интересуется моей жизнью, а затем начинал объяснять, почему я должна прилететь в Лос-Анджелес. В прошлый раз поводом стал дедушкин «серьёзный приступ», который оказался скачком давления после слишком долгой партии в гольф.

Телефон зазвонил снова.

Я перевернула его экраном вниз, но отец тут же набрал в третий раз. Такая настойчивость раздражала, хотя в ней уже чувствовалось что-то неприятное.

— Что случилось?

Я включила громкую связь и положила телефон рядом.

Отец не стал тратить время на приветствие.

— Дедушка умирает. Он в больнице, и врачи говорят, что состояние тяжёлое.

Я закрыла глаза. В его голосе было напряжение, но моя семья умела устраивать драму из любого визита к врачу.

— Папа, мы уже проходили это. Я не могу каждый раз бросать работу, когда дедушке становится скучно и он решает собрать всех вокруг кровати.

— Я понимаю, почему ты мне не веришь, но сейчас я не пытаюсь заманить тебя домой. Открой видеосвязь, сама всё увидишь.

Экран переключился.

Сначала в кадре появился потолок больничной палаты, затем лицо отца. Он выглядел старше, чем во время нашего последнего разговора. Под глазами залегли тени, рубашка была расстёгнута у воротника. Отец молча развернул телефон.

Дедушка лежал на высокой кровати. К его груди тянулись провода, возле изголовья мерцал монитор, под носом проходила кислородная трубка. Серое лицо осунулось, руки поверх одеяла выглядели непривычно тонкими. У окна сидела мама и не отрывала взгляда от пола.

Я выпрямилась. Усталость исчезла, оставив после себя холодную ясность.

— Когда это произошло?

— Ночью. Его привезли на скорой, результаты обследования получили только утром. Сердце ослабло, врачи пока не дают прогнозов. Он приходит в сознание и спрашивает о тебе, поэтому я хочу, чтобы ты прилетела как можно скорее.

Отец говорил спокойно, но пальцы у него дрожали. Он не умел показывать страх, поэтому держался за факты и врачебные формулировки.

— Почему вы не позвонили ночью?

— Мы не знали, насколько всё серьёзно. Я не хотел снова поднять тебя по тревоге, чтобы потом услышать, что мы манипулируем тобой. Сейчас я говорю прямо: дедушке плохо, и тебе стоит приехать.

Я смотрела на экран и пыталась совместить лежащего на кровати человека с тем мужчиной, который ещё несколько месяцев назад спорил со мной о работе, браке и будущем. Дедушка всегда занимал слишком много места в любой комнате. Теперь больничная кровать казалась шире его самого.

— Я возьму первый рейс завтра утром.

— Я пришлю машину в аэропорт.

— Не нужно. Я доберусь сама. Скажи маме, что я позвоню после посадки, а дедушке... Скажи, что я еду.

Я завершила разговор и ещё некоторое время сидела с телефоном в руке.

Пять лет назад я уехала из Лос-Анджелеса, построив новую жизнь вокруг расстояния. Нью-Йорк помогал не возвращаться к прежним разговорам, а работа у Адама заполняла каждый час, который можно было потратить на сомнения. Мне казалось, что достаточно долго жить подальше от семьи — и однажды их планы перестанут иметь ко мне отношение.

Дедушка лежал в больнице, и вся эта уверенность потеряла смысл.

Я вернулась за стол, надела очки и открыла расписание. Сначала забронировала Адаму утренний рейс в Ванкувер и место на последнем рейсе в субботу. Отправила данные водителю, службе безопасности и сотрудникам канадского офиса. После этого открыла собственный маршрут.

Нью-Йорк — Лос-Анджелес. Вылет в шесть сорок утра.

Я выбрала место у окна и оплатила билет. Через стеклянную стену был виден кабинет Адама. Он сидел за столом, просматривал документы и уже открыл второй латте. Возможно, разговор с ним займёт две минуты. Возможно, он решит, что семья должна подстраивать болезни под график его секретаря.

Я распечатала его маршрут, взяла планшет и подошла к двери.

— Войдите.

Адам не поднял головы, когда я положила билеты перед ним.

— Завтра машина заберёт вас в пять пятнадцать. В Ванкувере вас встретят, расписание на месте уже подготовлено. Обратный рейс прибывает в Нью-Йорк в субботу в одиннадцать сорок вечера. Из-за переноса переговоров с банком вам потребуется созвониться с ними в пятницу утром, я добавила это в календарь.

— Хорошо.

Он перелистнул страницу, но я осталась стоять. Через несколько секунд Адам заметил это и посмотрел на меня.

— Есть ещё что-то?

— Завтра утром мне нужно улететь в Лос-Анджелес. Моего дедушку госпитализировали, и врачи считают его состояние тяжёлым. Я хочу взять два дня, передать дела Синтии и вернуться в четверг вечером. Стройку буду контролировать удалённо, если на объекте не произойдёт ничего, требующего личного присутствия.

Я произнесла всё сразу, чтобы он не успел превратить просьбу в допрос.

Адам снял очки, которые надевал только для работы с мелким текстом, и положил их на стол.

— Речь о дедушке, который уже несколько раз оказывался при смерти?

— Да. Только сейчас он действительно находится в больнице, подключён к аппаратуре и выглядит так, что мне не хочется спорить с врачами. Я понимаю, что момент неудобный, но решение уже приняла.

Он несколько секунд смотрел на меня. Обычно в такие моменты я могла понять, что происходит у него в голове: оценка рисков, поиск замены, раздражение из-за нарушенного плана. Сейчас лицо оставалось закрытым.

— Возьмите два дня. Если потребуется третий, предупредите заранее. Синтия получит доступ к вашему календарю и переписке, а отчёты по стройке может собирать Мартин. Вам достаточно просматривать их вечером и пересылать мне итог.

Я не сразу ответила. В его исполнении это было щедрым предложением, хотя любой нормальный руководитель произнёс бы ещё что-нибудь о здоровье дедушки.

— Спасибо. Я передам Синтии все контакты и останусь на связи.

— Останетесь на связи только по срочным вопросам. Если сотрудники не способны прожить два дня без вас, значит, вы неправильно выстроили работу.

В другой ситуации я нашла бы в этой фразе повод для раздражения. Сейчас она неожиданно сняла часть напряжения.

— Её зовут Синтия, кстати. Не Синди. Она работает здесь третий год.

— Если справится, я запомню.

Уголок его рта едва заметно дрогнул. Возможно, мне показалось.

Я уже взялась за дверную ручку, когда Адам окликнул меня.

— Дакота.

Я обернулась.

— Надеюсь, с вашим дедушкой всё будет в порядке.

Он сказал это без привычной деловой сухости, после чего снова открыл документ, не оставив пространства для ответа.

Я вернулась в кабинет и закрыла дверь. На экране уже появились сообщения от Синтии, Мартина и отдела строительства. Рядом с клавиатурой лежал билет в Лос-Анджелес.

На следующее утро мне предстояло вернуться домой, которого я пять лет избегала. Я ещё не знала, что этот перелёт окончательно разрушит жизнь, выстроенную мной в Нью-Йорке, и заставит Адама Вандербильта впервые столкнуться с ситуацией, которую нельзя исправить новым расписанием.

Глава 2. Лос-Анджелес, будь со мной помягче

Lana Del Rey — Ride

Утром машина ждала у дома Адама ровно в пять пятнадцать.

Я приехала на десять минут раньше, потому что опоздать к нему дважды за сутки означало бы поставить под сомнение все пять лет безупречной службы. Водитель уже открыл багажник, но я всё равно проверила, на месте ли чемодан, портфель с документами и тёмный чехол с костюмом для субботнего ужина. Адам мог купить новую рубашку в любом городе мира, однако исчезновение заранее выбранного галстука воспринимал как сбой в системе.

Он вышел из дома без пальто, хотя утро было прохладным. На нём был тёмный костюм, поверх которого он накинул лёгкое кашемировое пальто уже возле машины. В одной руке Адам держал телефон, другой застёгивал часы, одновременно слушая голосовое сообщение. Я открыла перед ним заднюю дверь, дождалась, пока он сядет, и устроилась с другой стороны.

Внутри пахло кожей и свежим кофе. Моего стакана в подстаканнике не было: я не успела позавтракать и решила, что переживу дорогу без кофеина. Судя по тому, как дрожали пальцы, организм придерживался другого мнения.

Машина тронулась.

Несколько минут Адам отвечал на сообщения, не обращая на меня внимания. За окнами Нью-Йорк ещё не проснулся окончательно. Владельцы кафе поднимали металлические ставни, по тротуарам спешили люди в спортивной одежде, а мусоровоз перегородил половину улицы, заставив водителя свернуть.

Я открыла планшет и ещё раз проверила расписание.

— В Ванкувере вас встретит представитель местного офиса. Первое совещание начнётся в половине двенадцатого, после него запланирован обед с архитектором. Все документы отправлены на защищённую почту, бумажные копии лежат в портфеле. В пятницу утром вам нужно созвониться с банком, а совет директоров перенесён на понедельник.

Адам закончил печатать сообщение и посмотрел на меня.

— У вас два дня, Дакота. В четверг вечером вы возвращаетесь в Нью-Йорк. Мне не хотелось бы узнать в пятницу утром, что вы решили задержаться в Лос-Анджелесе ещё на неделю.

— Я купила обратный билет. Если состояние бабушки не ухудшится, вернусь вовремя.

— Вы говорили это и в прошлый раз.

Я закрыла планшет. Мне не хотелось обсуждать семью до восхода солнца, но Адам никогда не считал время суток причиной отказаться от неудобного разговора.

— В прошлый раз бабушка действительно проходил обследование. Я не знала, что к моменту моего прилёта он уже выпишется и отправится играть в гольф.

— Насколько я помню, это четвёртый случай за два года, когда ваша семья сообщает, что он умирает.

— Третий. Во время второго звонка речь шла о возможной операции, а не о смерти.

— Рад, что вы ведёте статистику.

— Приходится. Иначе можно окончательно запутаться в том, какая семейная катастрофа считается настоящей.

Адам отвернулся к окну, но разговор не закончил.

— Если выяснится, что вы снова улетели из-за очередного спектакля, я буду недоволен.

— Вы обычно недовольны, поэтому мне трудно оценить масштаб угрозы.

Он медленно повернул голову.

Это была опасная реплика. За последние сутки я спала меньше четырёх часов, ещё не выпила кофе и слишком хорошо помнила дедушкино лицо на экране. В нормальном состоянии я остановилась бы раньше.

Несколько секунд Адам смотрел на меня, после чего произнёс:

— Если вы солгали, вас уволят.

Вот теперь масштаб стал понятен.

Я поправила очки и заставила себя ответить ровно:

— Я не лгу. Дедушка лежит в больнице, подключён к аппаратуре, а врачи говорят, что сердце стало слабее. Даже моя семья не способна организовать такую постановку ради двух дней моего времени.

Сказав это, я сама вспомнила несколько эпизодов, заставлявших усомниться в последней фразе. Дедушка однажды пригласил меня на «последний семейный ужин перед операцией», хотя вмешательство оказалось плановым и состоялось только через три месяца. Отец отправлял билеты без предупреждения, а мама умела начать разговор с вопроса о здоровье и через пять минут перейти к моему возвращению в Лос-Анджелес.

Однако вчера всё выглядело иначе.

Серое лицо дедушки, кислородная трубка и дрожавшие руки отца не были частью привычной семейной игры.

— Тогда почему вы говорите об этом так, будто сами не уверены? — спросил Адам.

— Потому что раньше они уже преувеличивали, и теперь мне приходится одновременно бояться за дедушку и думать, не заманивают ли меня домой. Это не самое приятное состояние.

Он ничего не ответил.

Я снова открыла календарь, давая понять, что обсуждение окончено. Ещё вчера Адам неожиданно разрешил мне не отвлекаться на работу без необходимости, но сейчас снова превратился в руководителя, который видел в любой непредсказуемой ситуации потенциальную угрозу расписанию.

Он был таким всегда.

Адаму исполнилось тридцать, и последние девять лет он работал с одержимостью человека, который боялся, что стоит остановиться, как всё созданное им исчезнет. За это время небольшая девелоперская компания превратилась в корпорацию с проектами в нескольких странах, а его фамилия оказалась в списках людей, чьё состояние журналисты пересчитывали после каждой крупной сделки.

Обычно люди, заработав первый миллиард, покупали яхту, остров или хотя бы учились уходить из офиса до полуночи. Адам приобрёл ещё две компании и начал проводить совещания по воскресеньям.

На первой неделе работы у него я плакала в туалете. На второй искала вакансии. К концу первого месяца научилась заранее заказывать еду, носить в офисе запасную одежду и никогда не спрашивать, понадобится ли мне задержаться вечером. Ответ всегда был положительным.

Пять лет спустя я знала о нём больше, чем большинство женщин, с которыми он встречался.

Я помнила, какой кофе он пьёт после бессонной ночи и когда боль в старой травме плеча начинает портить ему настроение. Знала, что перед важными переговорами он снимает часы и кладёт их справа от ноутбука, а после разговора с дедушкой почти всегда отменяет ужин. Могла определить по тому, как он закрывает папку, собирается ли кто-то лишиться должности.

При этом я понятия не имела, что Адам делает, когда не работает. Впрочем, вероятно, он тоже этого не знал.

Иногда в его жизни появлялись женщины. Красивые, известные, безупречно одетые. Их фотографии попадали в светскую хронику, после чего в приёмную начинали звонить журнали-

сты. Ни одна не задерживалась надолго. Через несколько недель имя исчезало из расписания, а присланные подарки отправлялись обратно.

У меня не было даже таких коротких историй.

Последнее свидание состоялось около полутора лет назад. Мужчина ушёл после того, как Адам позвонил мне трижды за ужин, а на четвёртый раз потребовал немедленно найти ошибку в договоре. Я прочитала документ прямо за столиком ресторана. Когда подняла голову, напротив лежали деньги за счёт и записка с пожеланием удачи.

Он был прав. Удача мне требовалась.

— Что вы улыбаетесь? — спросил Адам.

Я не заметила, что выражение лица изменилось.

— Вспомнила человека, который однажды попытался со мной встречаться.

— Почему это смешно?

— Потому что вы мне позвонили четыре раза во время нашего первого свидания.

Адам нахмурился, словно пытался найти событие в собственной памяти.

— По какому поводу?

— Ошибка в договоре с подрядчиком.

— Значит, звонок был необходим.

— Все четыре?

— Очевидно, вы не сразу нашли ошибку.

Я посмотрела на него поверх очков. Он снова занялся телефоном, даже не пытаясь понять, почему человек мог счесть подобное поведение ненормальным.

В такие моменты мне казалось, что Адам не живёт среди людей, а изучает нас как плохо организованную систему. В его мире отношения существовали только до тех пор, пока не мешали работе. Мои, судя по всему, не выдержали даже первого ужина.

Машина свернула к аэропорту. Отдельный вход терминала бизнес-авиации был почти пуст, возле стеклянных дверей уже ждали сотрудники компании. Один из них подошёл к багажнику, второй открыл перед Адамом дверь.

Я вышла следом и передала сотруднику чехол с костюмом.

— Документы находятся в боковом отделении портфеля. Водитель в Ванкувере знает адрес отеля и маршрут до офиса. Я буду на связи после посадки в Лос-Анджелесе.

Адам взял у меня планшет, на котором был открыт его маршрут.

— Через сколько у вас рейс?

— Через два часа. Пассажирский терминал в соседнем здании, водитель меня отвезёт.

Я ожидала короткого кивка и уже приготовилась пожелать ему хорошего полёта, но он задержался.

— Позвоните, когда увидите дедушку.

— Зачем?

— Чтобы я понимал, когда вы сможете вернуться.

Вот теперь всё встало на свои места.

— Конечно.

Адам направился к терминалу. Я посмотрела ему вслед и всё же произнесла:

— Хорошего полёта, мистер Вандербильт.

Он поднял руку, не оборачиваясь. Возможно, это означало благодарность. Возможно, он просто отвечал на слова сотрудника рядом.

Водитель поставил мой чемодан обратно в багажник и отвёз меня к обычному терминалу, где не было персонального сопровождения, тишины и кофе в фарфоровых чашках. Здесь стояли очереди, плакали дети, а люди пытались одновременно снять обувь, достать ноутбук и не потерять посадочный талон.

В этом мире я чувствовала себя спокойнее.

Я прошла регистрацию, сдала чемодан и после досмотра нашла нужный выход. До посадки оставалось сорок минут. В ближайшем кафе выстроилась очередь, но без кофе я рисковала заснуть ещё до самолёта, поэтому купила огромный американо и шоколадный батончик.

На экране телефона высветилось имя младшего брата.

— Ты уже летишь? — спросил Кэмерон, когда я ответила.

На заднем плане слышались шаги и приглушённые голоса. Похоже, он находился в больничном коридоре.

— Посадка скоро. Как дедушка?

Брат помолчал. Кэмерон редко подбирал слова, а потому его задержка сразу напугала.

— Врач был утром. Он сказал, что сердце становится слабее и лечение почти не помогает. Не знаю, сколько ему осталось, но папа впервые не преувеличивает.

Я провела пальцем по картонной крышке стакана.

— Он в сознании?

— Сейчас спит. Ночью спрашивал, приедешь ли ты. Потом сказал, что должен сообщить нам что-то важное.

От этих слов тревога смешалась с раздражением.

Дедушка не мог просто заболеть. Даже находясь в больнице, он готовил семейное объявление, после которого остальные должны были изменить планы.

— Уверена, я уже знаю, о чём пойдёт речь.

— Насчёт компании?

— Насчёт компании, семьи, моего отсутствия и твоего будущего. Он найдёт способ объединить всё в одну речь.

Кэмерон тяжело выдохнул.

— Я не хочу, чтобы ты снова брала всё на себя. Ты и так уехала из-за того, что они решили распределить нашу жизнь заранее.

— Я уехала не только поэтому.

— Но в основном поэтому. Если дедушка снова будет давить, я могу согласиться на их условия.

Я выпрямилась на стуле.

— Нет. Ты закончишь учёбу и выберешь то, чем хочешь заниматься. Мы уже обсуждали это.

— Ты пять лет работаешь секретарём человека, который не даёт тебе спать. Не уверен, что твой способ выглядит намного свободнее.

Эта реплика попала точнее, чем мне хотелось.

Я отломил кусочек шоколада и положила его в рот, выигрывая время.

— Моя работа — мой выбор. Я сама прошла собеседование, сама сняла квартиру и научилась жить без фамилии Эштон. Разница есть.

— Если ты так любишь эту жизнь, зачем постоянно говоришь так, будто хочешь кого-нибудь убить?

— Потому что мой начальник иногда заслуживает лёгкого покушения. Это не означает, что я хочу вернуться домой и занять место, выбранное для меня ещё до рождения.

Кэмерон тихо рассмеялся, но почти сразу снова стал серьёзным.

— Давай сначала выслушаем дедушку. Только не соглашайся на всё сразу из-за того, что он болен.

— Я ничего не обещаю. Увижу его и решу, что делать дальше. Ты тоже пока не принимай никаких решений.

По громкой связи объявили начало посадки.

— Мне пора. Я позвоню, когда прилечу.

— Тебя встретят.

— Я просила папу не присылать машину.

— Ты же его знаешь.

Именно поэтому я уже догадывалась, что просьбу проигнорируют.

Мы попрощались. Я выбросила стакан, убрала телефон в сумку и присоединилась к очереди.

Соседний пассажир почти сразу надел наушники, а женщина у прохода открыла ноутбук и начала печатать с такой скоростью, будто продолжала работать прямо во время взлёта.

Я могла бы последовать её примеру. В почте уже лежали сообщения от Мартина, юридического отдела и Синтии. Требовалось проверить документы по стройке, подтвердить перенос переговоров и составить памятку на время моего отсутствия.

Вместо этого я пристегнулась, прислонилась головой к стенке и закрыла глаза.

В кино героини после шестичасового перелёта выходили из самолёта с идеальными волосами и лёгкой задумчивостью во взгляде. Я проснулась только потому, что бортпроводница осторожно коснулась моего плеча. В салоне уже горел яркий свет, багажные полки были открыты, а остальные пассажиры успели уйти.

— Мисс, мы прилетели.

Я моргнула, пытаясь вспомнить, где нахожусь.

— Давно?

— Посадка произошла около десяти минут назад. Мы не хотели вас будить раньше, но скоро начнётся подготовка к следующему рейсу.

— Простите.

На щеке остался след от стены, во рту пересохло, а волосы наверняка выглядели так, будто самолёт пережил турбулентность только в районе моего кресла.

Я собрала сумку и вышла в пустой рукав. Телефон включился не сразу, а потом разом показал десятки уведомлений. Среди них были сообщения от Синтии, Мартина и неизвестного номера из Ванкувера. Адам не писал.

Это должно было радовать. Вместо этого я проверила экран ещё раз.

За багажом пришлось ждать почти двадцать минут. Чемоданы медленно появлялись на ленте, пока вокруг меня встречались семьи, обнимались пары и спорили водители. Я сняла очки, протёрла их краем рубашки и увидела свой чемодан только со второго круга.

Когда автоматические двери открылись, тёплый воздух Лос-Анджелеса ударил в лицо.

Город пах солнцем, горячим асфальтом и дорогим парфюмом женщины, прошедшей рядом. После прохладного нью-йоркского утра всё казалось слишком ярким.

Я успела сделать несколько шагов, прежде чем заметила трёх мужчин в тёмных костюмах.

Они стояли возле колонны и смотрели прямо на меня.

— Мисс Эштон, — произнёс один из них, подходя ближе.

Я остановилась.

Имя прозвучало слишком громко. Неподальёку обернулась женщина, державшая ребёнка за руку.

— Не называйте меня так здесь.

Мужчина не изменился в лице.

— Прошу прощения, мисс Вудсен. Господин Эштон поручил нам встретить вас и доставить в больницу.

В любой другой ситуации трое мужчин в костюмах у выхода из аэропорта могли означать похищение или начало серии «Наследников». В моей жизни это означало, что отец снова решил: его взрослая дочь не способна самостоятельно дойти до машины.

Один из охранников забрал чемодан, второй взял сумку, хотя я не просила. Третий открыл передо мной дверь чёрного автомобиля.

— Я вполне могу нести собственные вещи.

— У нас распоряжение помочь вам.

— Разумеется.

Я села на заднее сиденье. Двое охранников устроились по сторонам, оставив ровно столько места, чтобы я могла дышать, но не сбежать на светофоре.

— Это обязательно? — спросила я, переводя взгляд с одного на другого.

Тот, что сидел справа, ответил с профессиональным спокойствием:

— Господин Эштон усилил охрану после госпитализации вашего дедушки.

— От кого вы защищаете меня сейчас? От водителя?

Никто не улыбнулся.

Я откинулась на спинку и посмотрела в окно. Пальмы, широкие дороги и низкие здания всегда казались мне декорациями после Нью-Йорка. Там город не позволял расслабиться, но хотя бы не пытался сделать вид, что жизнь может быть лёгкой. Лос-Анджелес улыбался солнцем, скрывая за воротами домов семейные войны и разговоры о наследстве.

— Мы едем домой или в больницу?

— Сразу в больницу, мисс Эштон.

Я посмотрела на охранника.

— Ещё раз назовёте меня так до того, как мы окажемся за закрытыми дверями, и я выйду из машины.

— Простите. Мисс Вудсен.

Он произнёс чужую фамилию без выражения, но в салоне всё равно стало теснее.

Я достала телефон и позвонила Кэмерону.

— Я прилетела. Мы едем в больницу. Ты где?

— У дедушки. Родители тоже здесь. Он проснулся, но врач не разрешает долго разговаривать.

— Хорошо. Буду примерно через час.

— Ты одна?

Я посмотрела на мужчин по сторонам.

— Папа прислал маленькую делегацию. Полагаю, он боялся, что я выйду из аэропорта, увижу Лос-Анджелес и немедленно куплю обратный билет.

— Ты бы могла.

— Всё ещё могу.

Кэмерон рассмеялся, и от этого мне стало немного легче.

— Просто приезжай. Разберёмся вместе.

Я завершила звонок и убрала телефон.

Машина влилась в поток. За окном мелькали знакомые названия улиц, рекламные щиты и силуэты холмов в дымке. Я пять лет убеждала себя, что Нью-Йорк стал моим домом. Там находились моя квартира, работа и жизнь, которую я построила без помощи семьи.

Но стоило оказаться здесь, как тело вспомнило дорогу раньше меня.

Я знала, после какого поворота откроется вид на центр, где водитель обычно перестраивался и сколько минут оставалось до больницы. Вместе с этим возвращалось ощущение, что все мои решения были временными, а Лос-Анджелес просто ждал, пока я устану убежать.

Телефон завибрировал.

На экране появилось сообщение от Адама.

Приземлились?

Я смотрела на одно слово дольше, чем требовалось.

Он мог спрашивать из-за работы. Вероятнее всего, именно из-за неё и спрашивал. И всё же сообщение пришло раньше писем от сотрудников, раньше требований по строительной площадке и раньше напоминания о его собственном расписании.

Да. Еду в больницу.

Ответ появился почти сразу.

Сообщите, когда всё выясните.

Ни пожелания удачи, ни вопроса о дедушке. Обычный Адам Вандербильт, способный превратить даже человеческое участие в деловое поручение.

Почему-то это успокоило сильнее, чем могло бы успокоить любое сочувствие.

Я выключила экран и снова посмотрела на город.

Каждый мой приезд заканчивался скандалом. Мы спорили с отцом, дедушка требовал вернуться в семейную компанию, мама пыталась усадить меня за стол и убедить, что всё можно решить спокойно. Через несколько дней я уезжала, чувствуя одновременно вину и облегчение.

Сейчас обратный билет лежал в эле

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.